

В полумраке комнаты мерцали свечи. Сквозь светлые полога кровати угадывались лишь два размытых силуэта.

— Яньи... мой...

Мужчина тяжело дышал, в его голосе сквозила болезненная одержимость. Он безумно, неистово овладевал тем, кто лежал под ним, совершенно не заботясь о том, что человек уже давно потерял сознание и лишь изредка издавал бессознательные стоны.

Су Яньи пребывал в забытии, уже не понимая, день сейчас или ночь. Его лицо пылало румянцем, глаза были плотно закрыты, а на дрожащих ресницах застыли слезы. Сквозь искусанные до красноты губы вырывались мольбы:

— Нет... не надо... хватит... а-а... отпусти меня... у-у...

Этим двоим был никто иной, как Цзи Чжаохэн и Су Яньи.

С того дня прошло уже трое суток. Три дня назад, поймав Су Яньи, Цзи Чжаохэн притащил его прямо в свои покои. Раньше он был слишком осторожен и прятал его в тайной комнате, но теперь хотел лишь одного: запереть его в своей постели и быть рядом день и ночь.

Цзи Чжаохэн собственноручно перебил Су Яньи сухожилия на ногах. Хотя он использовал целебные снадобья и раны давно затянулись, внутренние каналы остались разорванными. Его ноги стали бесполезными, как у калеки: внешне целые, на деле — лишь украшение. Даже если бы Цзи Чжаохэн позволил ему бежать, он был бы не в силах это сделать.

Естественно, Су Яньи люто ненавидел Цзи Чжаохэна. Он не желал дарить ему ни единой доброй улыбки, и стоило ему сказать пару резких слов, как Цзи Чжаохэн терял контроль, в своей одержимой манере наказывая строптивца.

Эта жестокая пытка длилась неизвестно сколько. Су Яньи то приходил в себя, то вновь проваливался в беспамятство. Открывая глаза, он видел лишь безумный взгляд Цзи Чжаохэна и его покрасневшие веки, которые внушали ему ужас и страх, словно он тонул в бездне, где никогда не взойдет солнце.

Время тянулось бесконечно. Казалось, это длилось целую вечность — так долго, что Су Яньи решил, будто Цзи Чжаохэн действительно загонит его до смерти, так долго, что он разучился даже плакать... Когда сознание окончательно угасло, Цзи Чжаохэн, словно внезапно придя в себя, прекратил свое насилие.

Он бережно обмыл Су Яньи, нанес лекарства и принялся ласково успокаивать его. Но как бы нежно он ни шептал, как бы ни жалел его, человек в его объятиях продолжал дрожать, словно запертый в кошмаре, полном невыносимого страха.

Вновь оказавшись во власти внутреннего демона, Цзи Чжаохэн, придя в себя, утопал в бесконечном раскаянии. Он ненавидел себя так, что готов был отрубить собственные руки. Он ведь обещал беречь его и любить, но сам же стал тем, кто причиняет ему боль.

Глядя на лицо Су Яньи, не знающее покоя даже во сне, Цзи Чжаохэн чувствовал смятение. Неужели он действительно ошибся? Неужели с самого начала не стоило силой удерживать его?

Едва эта мысль промелькнула в голове, как внутри зазвучал другой голос — одержимый и зловещий:

— Нет, ты не ошибся. Это он хотел уйти от тебя. Су Яньи принадлежит тебе, и ты ни в коем случае не должен позволить ему сбежать.

Тут же раздался другой голос — голос его собственного разума, полный боли:

— Но я причинил ему вред, я ранил его. Как я мог так поступить?

— Он сам хотел сбежать. Разве ты был к нему недостаточно добр? Ты так сильно его любишь, почему же он так стремится уйти? Перебей ему ноги — тогда он никогда не уйдет и будет принадлежать только тебе.

— Нет, Яньи возненавидит меня.

— Разве он ненавидит тебя недостаточно сильно? Если уж суждено быть ненависти, пусть она будет до самого конца. Разве важно, что он чувствует, пока он рядом?

В тот же миг голову Цзи Чжаохэна пронзила нестерпимая боль. Его остатки разума и внутренний демон неистово спорили, но в конце концов демон одержал верх.

Взгляд Цзи Чжаохэна потяжелел, уголки губ изогнулись в зловещей усмешке. Он притянул Су Яньи ближе и склонился, целуя его разбитые, опухшие губы.

Любовь или ненависть — это неважно. Важно лишь то, что желанный человек сейчас в его объятиях.

Цзи Чжаохэн совершенствовался тысячи лет. В прошлом он знал лишь путь самосовершенствования, а прежний Бессмертный почтенный возлагал на него большие надежды и всегда был строг. Для Цзи Чжаохэна в этой жизни, помимо совершенствования, существовала лишь защита мира, но единственной переменной стал Су Яньи.

Будучи тем самым демоном, которого все проклинали, он обладал для него роковой притягательностью, заставляя раз за разом обращать на него взор и нарушать собственные принципы. С того момента, как он осознал свои чувства, в его сердце было посеяно семя

навязчивой идеи. Если бы не эта жажда обладания, не ставшая реальностью, разве породил бы он такого внутреннего демона, который лишил его способности сдерживаться, подавил его истинную натуру и заставил причинить боль тому, кого он любил?

Все то сдерживание, что он проявлял раньше, теперь обернулось против него самого.

<http://bllate.org/book/18801/1827688>